

**Алтайский государственный университет  
Исторический факультет  
Кафедра востоковедения  
Алтайский международный центр азиатских исследований**

**«Сибирь и Центральная Азия:  
актуальные вопросы политического  
и социокультурного развития»**

*Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда  
27 апреля 2012 года*

**Барнаул 2012**

Издается по решению ученого совета исторического факультета Алтайского государственного университета и совета Алтайского международного центра азиатских исследований

Рецензент  
д.и.н., проф. А.Н. Алексеенко

Редакционная коллегия  
д.и.н., проф. А.В. Старцев (отв. редактор)  
к.и.н., доц. И.В. Анисимова, д.и.н., доц. Ю.А. Лысенко

С 341 Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. / Под общ. ред. А.В. Старцева. – Барнаул : АЗБУКА, 2012. – 198 с.  
ISBN 978-5-93957-581-2

В сборнике опубликованы материалы Пятых научных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения основоположника востоковедения на Алтае Е.М. Залкинда. Сборник знакомит читателей с актуальными вопросами этнографии и истории народов Сибири, политическими, социально-экономическими и этнокультурными процессами в государствах Центральной Азии и Дальнего Востока. Также сборник содержит исследования, посвященные актуальным проблемам теории и практики китайского языка.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, всех кто интересуется востоковедной тематикой.

Материалы отражают личную точку зрения авторов и не всегда совпадают с мнением редколлегии

*Издание материалов международной научной конференции осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-31-09012 «Центральноазиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность»*

## О ВКЛАДЕ Е.М. ЗАЛКИНДА В СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БУРЯТИИ

Имя Е.М. Залкинда (1912–1980) – историка, этнографа, востоковеда все чаще привлекает внимание ученых-гуманитариев Сибири. И потому, что опубликованные им труды были заметным явлением в истории науки, и потому, что его личная биография – великолепный образец стойкости и оптимизма.

Его детские годы пришлось на сложный период в истории страны. Для многих его ровесников учеба в университете никогда не стояла в повестке дня. А он в 1929 г. поступил на этнографическое отделение ЛГУ, где занимался изучением культуры и быта народов Севера. В 1932 г. он закончил обучение, получив квалификацию «научного работника II разряда в области музейно-этнографической с правом преподавания по той же специальности в Вузах и Втузах». Аспирантом Института народов Севера он стал в 1933 г., когда ему еще не исполнилось и двадцати одного года. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук защитил в апреле 1936 г. – в 24 года. В 1938–1942 гг. – он уже докторант Института востоковедения Академии наук СССР. Попутно приходилось зарабатывать себе на хлеб, а также выполнять обязанности, отвлекавшие от работы на научном поприще. Он вел занятия со студентами, выполнял общественные поручения, участвовал в длительных экспедициях на территории Бурятии. История Бурятии и стала темой его научных трудов, высоко оцененных при жизни: это монографии «Присоединение Бурятии к России» (Улан-Удэ, 1958), «Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX вв.» (М., 1970), статьи в различных академических и вузовских сборниках и трудах.

Первое путешествие в Забайкалье состоялось в 1931 г., куда Евгений Михайлович после второго курса был направлен для прохождения музейной практики. Первоначально планировалось, что это будет Верхнеудинск (современный Улан-Удэ), куда он прибыл после утомительного восьмидневного переезда по железной дороге из Ленинграда, но практиканта отправили дальше – в краеведческий музей г. Троицкосавска, до которого предстояло ехать на пароходе и автомобиле еще два дня. Именно отсюда и началось знакомство с регионом, которое в конечном итоге сделало из него знатока истории, этнографии и культуры народов Сибири.

Еще в Верхнеудинске Евгению Михайловичу пришлось поучаствовать в обсуждении плана по переустройству местного музея. Для этого он составил к выступлению директора музея «контр-тезисы», в которых обозначил главную задачу краеведов: «превращение музея из замкнутой в своей скорлупе Кунсткамеры в широкую общественную организацию»<sup>1</sup>. И в них же предложил заменить действующую экспозицию, построенную, как ему показалось при знакомстве с ней, «по старому доброму принципу: камешек к камешку, птичка к птичке, идол к идолу», без цели научного изучения истории, этнографии, современного состояния города и его окрестностей. В следующие месяцы он составил плана работы краеведческого музея Троицкосавска с акцентом именно на научном подходе в работе этого музейного учреждения. Очень по-современному и сегодня звучат положения этого плана: «Задача музея не ограничивается лишь показом, наглядным ознакомлением с историей края, достижениями советского строительства; музей по ряду своих отделов должен превратиться в рабочую лабораторию, в которой, как принято теперь выражаться, «руками экспонаты трогать обязательно»<sup>2</sup>. И в дальнейшем Евгений Михайлович не оставлял без внимания вопросы сохранности культового имущества, сбора этнографического материала, охраны памятников археологии, разрабатывал концепции музеев нового профиля.

В Троицкосавский музей он прибыл уже с предложением организовать, по примеру Верхнеудинского краеведческого музея, выставку к 10-летию Бурятской автономии<sup>3</sup>. Отсутствие требуемых экспонатов охладило его пыл. Но желание действовать осталось, и им было принято предложение Троицкосавского аймачного комитета ВКП(б) поучаствовать в осмотре достижений колхозного строительства в близлежащих населенных пунктах. Сейчас это кажется удивительным, но Евгений Михайлович тут же принялся составлять план экспедиции, которая «помимо этнографического изучения колхозов должна также собрать ряд экспонатов для отражения в музее экономики края». Еще одной задачей он ставил изучение бурятского языка путем общения с местным населением. Через три дня музейные работники двумя группами по два человека уже были в пути.

В дорогу участники экспедиции взяли фотоаппарат, а Евгений Михайлович – журнал, в который предстояло занести результаты обследования, и тетрадь для записей личных наблюдений. Этот

журнал, как и дневник юного путешественника, сегодня хранятся в Государственном архиве Алтайского края, отражая страницы личной биографии Залкинда и истории молодой республики, находившейся в культурном отношении на переломе эпох.

Новый быт, способы жизнедеятельности, внедрявшиеся в сибирской глубинке, ярко контрастировали с укоренившимися традициями, нередко вызывая удивление автора дневника и иронию по поводу увиденного, свойственную Евгению Михайловичу и в более зрелые годы. Так, неизгладимое впечатление на него произвела встреча с женщинами Окино-Ключей, напомнившая ему «времена допетровской Руси». «На улице сидели группы женщин в одежде, полностью сохранившей все свои части со времени переселения в дальние края. Картина столь приятная глазу этнографа. И очень печальная в смысле надежды на быстрый успех коллективизации в с/совете, так как окостеневшая религиозная традиция является величайшей помехой обновлению быта»<sup>4</sup>. «Картинка», напомнившая ему старину, почти сразу дополнилась новыми впечатлениями. Женщины буквально забросали путешественников вопросами – кто они, откуда, с какой целью прибыли, откуда родом? Вопросов было так много, что Евгений Михайлович записал в дневнике: если и дальше так пойдет, спросят и о том, «чем занимались твои родители до 1917 года».

Дневник и «Реальные записи», так он озаглавил отчетные материалы, полны заметок о трудностях социалистических преобразований в деревне. Остается снова удивляться тому, как верно замечает их совсем еще молодой человек 18-ти лет, для которого как будто знакомы вопросы развития сельскохозяйственных артелей и коммун на востоке страны – сами принципы их организации, ошибки руководства, условия ликвидации неграмотности, повышения культуры здоровья и т. п. Нередко ему приходилось выступать с отчетом перед местными жителями. И везде отметка – «Выводы собранием принимаются»<sup>5</sup>. Неоднократно встречаются записи о консультировании им местных счетоводов по поводу ведения учета и оформления бухгалтерских документов.

В ходе экспедиции Евгению Михайловичу удалось осмотреть Кударинский дацан – буддийский монастырь, центр местной буддийской культуры. Вопреки имевшимся представлениям о нежелании служителей культа общаться с исследователями, лама был «гостеприимен и охотно показал свой храм»<sup>6</sup>.

Более глубокое знакомство с памятниками буддийской культуры произойдет позднее – в 1934 г., когда он отправится собирать полевые материалы для своей научной работы, а затем в 1939 и 1940 гг., когда он будет участвовать в работе Комиссии Института востоковедения Академии наук, Института антропологии и этнографии и Музея истории религий для обследования имущества буддийских дацанов (монастырей), разоренных в годы антирелигиозной кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Как отмечалось, к 1936-ому г. Е.М. Залкинд подготовил кандидатскую диссертацию и уже скоро стал считаться в ленинградских научных кругах знатоком Бурят-Монголии, многие районы которой в 30-е гг. он обследовал пешим ходом или на лошадях. Он встречался с партийными и советскими работниками тех лет, тружениками сельхозартелей, работниками местных промыслов. В сфере его внимания, помимо этнографии, была история гражданской войны, современная система образования, медицинское обеспечение, изучение и охрана археологических памятников и т.п. Он быстро находил язык с местной администрацией, а умение «разговорить» старожилов вызывало ответную доброжелательность и – как итог – обеспечивало быструю помощь там, где он в ней особенно нуждался.

В 1939 г. Институт востоковедения отправил его в Улан-Удэ для сохранения архива погибшего в застенках НКВД ученого Базара Барадина, обладавшего уникальным собранием исторических документов, книг и других памятников культуры и искусства. Уже в ходе этой поездки ему пришлось по решению Президиума Академии наук войти в состав упомянутой выше Комиссии по исследованию дацанов и использованию их имущества. Содержание проведенной работы известно по отчету Е.М. Залкинда Академии наук, опубликованному в 1997 г. исследователем А.И. Андреевым<sup>7</sup>. Копия этого отчета хранится в личном фонде Евгения Михайловича в Государственном архиве Алтайского края. В нем – свидетельство очевидца, наблюдавшего картину разгрома богатейших некогда дацанов, хранивших редчайшие книжные собрания, иконы, памятники буддийской скульптуры. Из документа следует, что местная администрация во многих случаях была не в состоянии понять смысл проводимой Комиссией работы и собственную роль по сохранению республиканского историко-культурного наследия. К тому моменту, например, было уже известно, что Янганжинский дацан был признан памятником союзного значения, и по одной этой причине мог быть сохранен, но этого сделано не было. Да и сама Комиссия, состав которой явно был недостаточен для столь масштабных работ (4 человека – один представитель от Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), два представителя Наркомфина

СССР и один Наркомпроса РСФСР), посчитала возможным отобрать на хранение всего по три экземпляра каждого вида памятников – остальные планировалось сдать в утиль. Е.М. Залкинд, привлеченный для работы в ее составе, протестовал против такого принципа отбора вещей. Но голос его не был решающим. В заслугу себе Евгений Михайлович поставил сохранение части коллекций Антирелигиозного музея в Улан-Удэ, куда были переданы отобранные ранее экземпляры культового имущества, и практически всей коллекции буддийских книг, которые также были уже складированы в Музее, но готовились к уничтожению.

После разбора материалов из Антирелигиозного музея Комиссия посетила лишь несколько крупных дацанов – Янганжинский, Хижинский, Анинский и Эгитувеский, задокументировав практически полное их разорение. Вопиющий факт – после закрытия дацаны переходили в ведение местных райфинотделов, которые продавали все, что можно было продать, например, шелковые обертки книг, вследствие чего глазам уполномоченных открывались горы разбросанных по полу листов.

В другие дацаны Е.М. Залкинд ездил уже один, производя тщательные расспросы населения и фотосъемку. Он посетил все районы, где прежде были дацаны, и пришел к неутешительным выводам – имущество монастырей продолжало расхищаться, а организации, обязанные позаботиться о сохранении ценнейших памятников культуры, не были в состоянии оценить масштабы потерь. Упреки были адресованы и Академии наук, мало интересовавшейся ходом производимых работ. Осуществив ряд поездок по республике, Евгений Михайлович также отбыл в Ленинград.

Летом следующего 1940 г. Е.М. Залкинд был назначен руководителем очередной экспедиции по сбору коллекций в бывших буддийских монастырях Бурят-Монгольской АССР и Читинской области. Его отчет пока не опубликован и хранится в ГААК. В составе экспедиции было восемь человек научных и научно-технических работников. Им предстояло собрать оставшиеся произведения культового искусства, а также проверить упаковку уже известных материалов. Не считая возможным перечислять поочередно сделанное, хотелось бы отметить, что усилия были затрачены колоссальные. Работали по 14 часов в день без выходных, при скудном питании и неудовлетворительных бытовых условиях. Из Читинской области в Ленинград удалось отправить два вагона коллекций в июле и третий – в августе. Далее в течение двух недель в Музее Улан-Удэ шла заново упаковка вещей и книг, собранных в предыдущем году. А с августа аналогичная работа была проведена в Аннинском дацане (здесь из сотрудников осталось всего два человека – сам Залкинд и его жена Евгения Ивановна Хмырова).

Сентябрь застал их за разбором книг Эгитуйского дацана, из которого удалось спасти две тысячи раритетных изданий, и там же были взяты некоторые печатные доски, с которых печатались буддийские тексты в монастырских типографиях. По отчету Евгения Михайловича, в этих двух дацанах было упаковано 328 ящиков книг и 160 ящиков различных коллекций, большую часть которых Евгений Михайлович отнес к разряду уникальных. Среди них полный комплект скульптурных изображений – «1000 будд», деревянные резные найданы – изображения отшельников, заслуживших молитвами свое спасение, около 3000 хуруков – икон, крупные металлические фигуры и т. п. – ценностей набралось на три вагона, которые и были отправлены в Ленинград в октябре. В ГААК сохранилось несколько фотографий, иллюстрирующих драматические события тех лет.

Вызывает интерес тот факт, что руководство Бурят-Монгольской АССР на заключительном этапе работ потребовало от Академии наук оплатить стоимость собранных коллекций, видимо, совсем не представляя в какую сумму можно их оценить. Достаточно сказать, что собрание редчайших текстов «Ганджур» (буддийский канон), спасенное трудами участников экспедиции, приобреталось в свое время в обмен на золото – по принципу «вес книги на аналогичный вес золота».

В конце концов, все книги были вывезены в Ленинград, а часть культовых предметов все же осталась в Улан-Удэ, примерно 20% от собранного. Не имея времени (срок экспедиции подходил к концу) и достаточных полномочий, вывезти все, что удалось спасти буквально из грязи, Евгений Михайлович предложил считать оставленные материальные ценности как «помощь национальной республике», уповав на их сохранность в дальнейшем.

Поступившие в Ленинград коллекции вызвали большой интерес общественности. 24 октября 1940 г. газета «Ленинградская правда» поместила заметку «Редчайшие экспонаты. Древние рукописи и предметы искусства из Бурят-Монголии». Перечисляя содержимое ящиков, руководитель монгольского отдела Института востоковедения член-корреспондент Академии наук Н.Н. Поппе сообщал: «Среди экспонатов – образцы живописи и скульптуры, книги, старинные рукописи, киелографические доски, музыкальные инструменты и т.д. Большую художественную ценность представляют иконы, выписанные красками по шелку, металлические и деревянные статуи. Исключительно интересен «буддийский рай», отлитый из бронзы. Рай изображен в виде сада с золочеными беседками, павильо-

нами и храмами. Под деревьями отдыхают боги. Тут же изображения многочисленных животных, населяющих райский сад»<sup>8</sup>. Общее число фигур, покрытых эмалевой краской или позолотой – 100 штук. Отметил Н.Н. Поппе и внутреннее наполнение шестиметровой статуи Будды – Майдари – рукописи по философии, медицине, мистические книги, светские книги исторического характера, уже упомянутый нами Ганджур – собрание канонических текстов на черной глянцевой бумаге, писанных серебром с многочисленными иллюстрациями.

10 декабря 1940 г. на это событие откликнулась и газета «Правда», корреспондент которой также сообщил о получении в Ленинграде уникального собрания культовых предметов<sup>9</sup>. В 1941 г. информация о работе Комиссии по обследованию дацанов в Бурят-Монголии и спасению памятников буддийской культуры появилась в журнале «Советское востоковедение»<sup>10</sup>.

Следует добавить, что Е.М. Залкинд по итогам проведенных работ получил премию – в размере стипендии аспиранта-докторанта.

Так случилось, что Бурятия стала для Евгения Михайловича местом приложения его энергии и творческих сил. Сюда он возвращался несколько раз, иногда под напором обстоятельств. Занимаясь историей, этнографией региона, он никогда не оставлял вне поля своего зрения проблемы культуры, всякий раз подчеркивая уникальный характер достижений бурятского народа. Он был не только ученым, организатором науки, но и активным поборником музеефикации культурного наследия Бурятии и в более благополучные годы. С его именем связывают создание Этнографического музея народов Забайкалья (Улан-Удэ). В 1976 г. он по этому поводу писал: «По хоздоговору консультировал этнографический музей и участвовал в обсуждении и решении принципиальных вопросов его развития»<sup>11</sup>. Некоторое время Евгений Михайлович вел общественную работу в качестве заместителя председателя республиканского совета Общества по охране памятников истории и культуры. Он часто выступал по радио, составлял тексты передач по истории и культуре, нередко были его публикации в местной прессе.

Для коллективной монографии «Очерки истории культуры Бурятии»<sup>12</sup> в 2-х томах (1972) Евгений Михайлович написал предисловие, отдельные параграфы и осуществил редакторскую правку текста. Он редактировал сборник статей А.П. Окладникова под названием «История и культура Бурятии»<sup>13</sup> (1976), монографию «Материальная культура и искусство народов Забайкалья»<sup>14</sup> (1982) и другие издания, содержание которых непосредственно связано с культурной тематикой. И в целом за годы работы он внес ощутимый вклад в сохранение культурного наследия Бурятии, которое сегодня изучается и экспонируется как в республике, так и крупных музейных хранилищах страны.

## Примечания

<sup>1</sup> Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

<sup>2</sup> Там же. Л. 9.

<sup>3</sup> Имеется в виду юбилей Бурят-Монгольской автономной области в составе Дальневосточной республики, образованной в 1921 г.

<sup>4</sup> ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 32. Л. 21.

<sup>5</sup> Там же. Л. 27.

<sup>6</sup> Там же. Л. 14 об.

<sup>7</sup> См.: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.–Самара–Прага, 1997. Приложение 2. С. 308–315.

<sup>8</sup> Ленинградская правда. 1940. 24 окт. № 248 (7737); ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.

<sup>9</sup> Правда. 1940. 11 дек. № 342 (8388); ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

<sup>10</sup> Экспедиция института в Бурят-Монголию // Советское востоковедение. 1941. № 2. С. 316.

<sup>11</sup> ГААК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 68. Л. 60.

<sup>12</sup> Очерки истории культуры Бурятии: В 2-х т. / Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР / Общ. ред. Д.Д. Лубсанов (гл. ред.) и др. Т. 1: Дооктябрьский период / Редкол.: Е.М. Залкинд (отв. ред.), Н.В. Ким, Т.М. Михайлов. Улан-Удэ, 1972.

<sup>13</sup> Окладников А.П. История и культура Бурятии: Сб. ст. / Ред.-сост. В.Е. Ларичев. Редкол.: Д.Д. Лубсанов, Е.М. Залкинд, П.Т. Хаптаев и др. / БФ СО АН СССР, Ин-т общественных наук. Улан-Удэ, 1976.

<sup>14</sup> Материальная культура и искусство народов Забайкалья / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Бурятский филиал, Институт общественных наук, Этнографический музей народов Забайкалья / Редкол.: Е.М. Залкинд, Н.В. Ким (отв. ред.). Улан-Удэ, 1982.